

«Мы решаем, сколько вам дать. Суд — это только формальность»

При Советах политзэкам сидеть было строже, но и срок давали меньше — вспоминает диссидент Вячеслав Долинин

Фото: AP / TASS

16:10, 26 ноября 2025,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

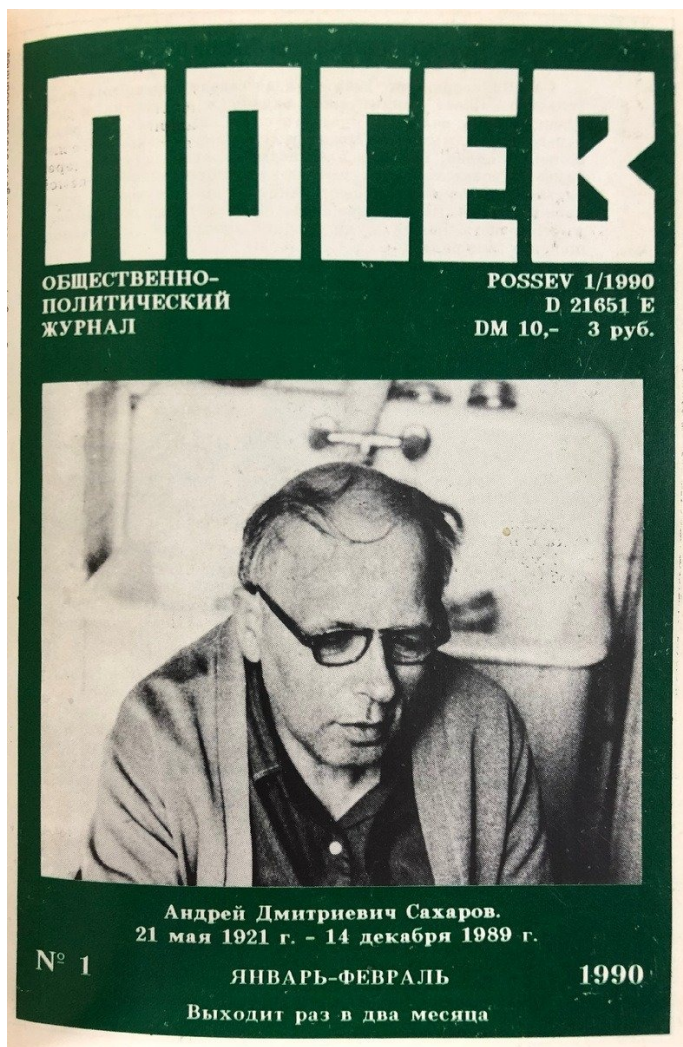
О политических процессах хрущевских и брежневских времен писали не так чтобы много. Вначале было нельзя, потом стало можно, а потом... потом события начали разворачиваться так быстро, что всем стало неинтересно вспоминать о прошлом.

Большинство читателей тогдашних газет даже задуматься не успели о том, что же это за люди и ради чего они ломали собственные жизни, выступая против казавшейся незыблемой системы. Казалось, что эта страница перевернута навсегда — можно забыть и жить дальше.

Вот только спираль истории повернула на новый круг.

И вероятно, стоит заново вернуться к делам давно минувших дней...

В 1983 году журнал «Посев» поместил статью о Вячеславе Долиnine и Ростиславе Евдокимове, приуроченную к суду над ними. Оба шли по 70-й статье УК РСФСР — «Антисоветская агитация и пропаганда». Подробности их биографий и все детали дела авторам публикации не были известны. В той же статье сказано: «Как отмечалось в заявлении ТАСС для заграницы, обвиняемые установили связь с Народно-Трудовым Союзом и получали от него инструкции и литературу с целью подрыва советской власти».

Обложка журнала «Посев». Источник: википедия

— В ту пору термин «нежелательная организация» не использовался, — говорит Вячеслав. — КГБ боролся с организациями, признанными антисоветскими. Причем НТС, по утверждению Юрия Андропова, был самой опасной из них. За связь с Народно-Трудовым Союзом грозил реальный срок.

— Закономерный вопрос: зачем?

Долинин рассказывает:

— Для формирования моих взглядов никакая антисоветская агитации не была нужна, советская действительность сама агитировала против себя: выборы без выбора, закрытые распределители для номенклатуры, идеологическая цензура, дефицит товаров в нашей первой по богатству природных ресурсов и второй по экономической мощи стране в мире и т.д.

и т.п. сделали свое дело. Порочность порядков, установленных КПСС, была очевидна для многих советских граждан. Об этом свидетельствует, например, фольклор — голос народа. В популярных анекдотах советского времени высмеивалась КПСС, ее вожди, мифы о коммунизме. Естественно, у меня не могло не быть единомышленников. В конце 70-х я познакомился с Ростиславом Евдокимовым. Что мы могли сделать реально в тех условиях?

Слабость власти проявлялась, в частности, в том, что она скрывала или искажала информацию о прошлом и настоящем. Значит, нужно было распространять правдивую информацию, распространять самиздат, тамиздат... что-то самим писать для самиздата и тамиздата.

Тамиздат — литературу, изданную на Западе, — Евдокимов и Долинин получали в основном от курьеров НТС, но были и другие источники. С журналом «Посев» у них тоже установились связи — периодически там появлялись их статьи. Естественно, без подписей или под псевдонимами...

Вячеслав Долинин. Фото: obtaz.com

Вячеслав Долинин говорит, что самиздатом занимался с 18 лет. Сначала литературным — это были стихи поэтов Серебряного века, которые не печатались в СССР. Первым документом, имевшим общественный резонанс, стала стенограмма суда над Иосифом Бродским. Потом появились книги Солженицына, Авторханова, тексты Сахарова и многих других. А у его будущего «подельника» Ростислава Евдокимова связь с «Посевом» была практически наследственной. В этом журнале публиковались статьи его отца — одного из старейших членов Народно-Трудового Союза Бориса Дмитриевича Евдокимова.

— Бориса Дмитриевича арестовали в 1971-м. Ростислав тогда учился на историческом факультете ЛГУ, успел стать одним из авторов сборника «Платон и его эпоха», вышедшем в издательстве «Наука». Но в 1971-м его арестовали вместе с отцом. Правда, продержали в следственном изоляторе недолго

— всего три дня. Но с истфака Евдокимова оперативно отчислили. Доучиться и получить диплом он смог только в 1995-м. У него в дипломе указаны годы поступления и окончания университета: 1968–1995. 27 лет от поступления до окончания, — рассказывает Долинин.

Ростислав Евдокимов. Фото: википедия

После этого вопрос о том, понимали ли они, чем рискуют, можно было и не задавать. Но я все-таки спрашиваю.

— Все понимали, конечно, — отвечает Вячеслав Долинин. — Но имей в виду, что существуют средства защиты. Конспирация. Когда мы решали на квартире Евдокимова какие-то вопросы, связанные с самиздатом, мы что делали? На бумажке писали то, о чем рискованно было говорить вслух, потом бумажку складывали в гармошку и в пепельнице сжигали. Оказалось, правильно делали, потому что квартира Евдокимова была на

прослушке. Ее КГБ установил в соседней квартире. Потом сосед из этой квартиры сам Евдокимову во всем признался... Или разговаривали на улице, когда кругом машины, шум, гам и прослушать разговор очень сложно. Мы старались быть максимально осторожными, хотя, конечно, со временем осторожность утрачивалась. Когда 18 лет занимаешься распространением запрещенной литературы и тебе это сходит с рук, бдительность притупляется.

Мы слишком легкомысленно стали обращаться с «серьезными» книжками... Ну и в конце концов КГБ вышел на наш след...

Нас подвел знакомый, которому мы оба доверяли. Он должен был перепечатать мой текст и ряд других материалов для «Посева». Текст он перепечатал, а потом отдал и машинописный экземпляр, и рукопись якобы курьеру от НТС. Мы с этим «курьером» знакомы не были. Он оказался колумбийцем, но НТС с латиноамериканцами не работал, потому что среди них было много левых. Настоящими курьерами НТС были в основном студенты-добровольцы из Франции, Бельгии, Швеции... а тут колумбиец, окончивший Гидрометеорологический институт... На таможне он сдал наши материалы. В общем, все это оказалось провокацией, подстроенной КГБ, которому нужно было взять нас с поличным. Рукопись является убедительным вещественным доказательством...

Их арестовали 43 года назад, в 1982-м. Причем КГБ попытался произвести этот арест не по 70-й статье, а по 64-й — «Измена Родине».

— Незадолго до арестов на квартиру Евдокимова пришел

человек, представившийся курьером НТС из ФРГ, и сказал, что нас просят собрать адреса военных объектов в центре Ленинграда. Нам сразу стало понятно, что это провокация. Потому что, во-первых, никакой информации о военных объектах НТС никогда не запрашивал и вообще шпионажем не занимался, а во-вторых, курьеры обычно привозили литературу. Но, естественно, передать нам антисоветскую литературу курьер от КГБ не мог, — рассказывает Долинин. — Мы успели сообщить в НТС о визите «курьера». Позже, во время обыска у меня дома, один из сотрудников комитета позвонил по телефону и перед кем-то стал отчитываться. В его голосе звучало разочарование. «Да так, книжки», — грустно произнес он. Видимо, гэбисты надеялись все-таки найти материал на 64-ю статью. Может быть, потому, что за арест по 70-й статье не получишь столько звездочек на погоны, как за арест по 64-й?

Следственная группа КГБ, которая вела наше дело, насчитывала пять человек. Вместо того чтобы делать что-то полезное для страны, они за неплохую зарплату девять месяцев собирали на нас компромат.

Мой следователь гордился службой в своей организации и откровенно говорил о ее влиятельности: «Вы же понимаете, что на самом деле мы решаем, сколько вам дать. Суд — это только формальность, которую надо соблюдать».

В дальнейшем некоторые из наших следователей дослужились до генеральских погон. Один пошел даже дальше — против него возбудили уголовное дело по контрабанде в особо крупных размерах, он подался в бега и был объявлен во всероссийский розыск.

Большинство наших контактов в разных городах и публикаций в разных изданиях остались вне поля зрения следователей. Авторов, которых мы привлекали к сотрудничеству, им также установить не удалось. Книги и самиздат нами были предварительно раскиданы по тайникам у надежных знакомых. К сожалению, в двух местах люди после нашего ареста их уничтожили, но большая часть уцелела. Некоторые материалы я передал в различные музеи и архивы. Почти все из того, что изъяли у меня при обыске, позже вернули как не имеющее отношение к делу. Однако того, что КГБ узнал, хватило для вынесения приговора по 70-й статье. Нам вменили сотрудничество с НТС, распространение антисоветской литературы и издание самиздатского «Информационного бюллетеня СМОТа» — Свободного межпрофессионального объединения трудящихся. СМОТ попытался создать свободный профсоюз, способный защищать трудящихся от произвола государства — в ту пору единственного работодателя. За сотрудничество со СМОТом были арестованы 20 человек. Среди них — Валерия Новодворская, Ирина Ратушинская, Александр Скобов, Владимир Гершуни и т.д., — рассказывает Долинин.

Александр Скобов. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

— Сколько вам было тогда лет?

— Мне, когда меня арестовали, было 36, Евдокимову — на четыре года меньше. Ростислав в тот момент работал грузчиком в аптеке, я — сменным мастером в тресте «Теплоэнерго». На моем участке, кстати, кочегарами-газооператорами работали многие авторы самиздата: Борис Иванов, редактор журнала «Часы», писатель Сергей Коровин, поэты Олег Охупкин и Аркадий Драгомощенко и другие литераторы и художники. В подвальных котельных проходили литературные чтения, готовились самиздатские журналы и сборники. Заместителем начальника участка был замечательный человек Иван Павлович Шкирка. Он в свое время учился в духовной академии, но его по какой-то причине оттуда выгнали. Вот он и пошел по котельным. И охотно брал на работу публику вроде нас. Про него начальство говорило, что он на своем участке всю «контру» собрал. Потом, уже в последние годы жизни, Шкирка служил алтарником в храме. А тогда после моего ареста Иван

Павлович пришел к моим родственникам, передал для меня рабочую спецодежду, подходящую для тюрьмы, и бутылку водки. Он не знал, что получить эту бутылку мне никак не удастся.

— Какие сроки тогда давали?

— По 70-й — от шести месяцев до семи лет лагеря и до пяти лет ссылки, хотя чтобы кому-то шесть месяцев давали — я такого не припомню. Но и семь лет давали редко, чаще по среднему: четыре-пять лет.

Вот как у нас: Ростислав тогда получил пять лет лагеря и три года ссылки, я — четыре года лагеря и два — ссылки... Меньше давали в Эстонии и Грузии, больше — в Литве и на Украине.

Особенно на Украине. Но в любом случае сроки не были настолько дикими, как сегодня. Например, Наталья Лазарева за листовку против войны в Афганистане получила десять месяцев. Сейчас за подобное можно получить куда больше.

Условия, в которых оказывались осужденные по политическим делам, тоже изменились. В чем-то — в лучшую сторону, в чем-то — в худшую. Сейчас человек сидит под следствием и ведет переписку с «волей». Такая переписка для заключенного очень важна. Это психологическая поддержка, помогающая выдержать трудности, с которыми он неизбежно сталкивается в тюремной жизни. Да, переписка подцензурная. Но раньше политзэки были в полной изоляции. Кроме случайных сокамерников, подсадных уток и следователя никого не видели. Моими сокамерниками были в основном контрабандисты.

Кстати, один из них, четырежды судимый контрабандист, в дальнейшем стал депутатом Госдумы от ЛДПР.

С передачами стало легче: теперь можно получать то, что раньше было запрещено. Изменился режим содержания в ШИЗО. Раньше там только через день давали баланду, причем по пониженной норме, а в день без баланды — только кусок хлеба, грамм четыреста. И все. Сейчас зэков в ШИЗО кормят по той же норме, что и всех остальных заключенных. Пытку голодом отменили, — говорит Вячеслав. — Хотя эти смягчения случились не сейчас, а под конец перестройки, когда обстановка в стране была другой и приговоры по политическим делам, как тогда казалось, остались в прошлом....

Фото: Седельников Анатолий / Фотохроника

С другой стороны, политзаключенных по 70-й статье держали в отдельных лагерях, предназначенных для «особо опасных государственных преступников». Большую часть контингента в

этих лагерях — примерно две трети — составляли осужденные по 64-й статье. Это были и неудавшиеся шпионы, и перебежчики, и угонщики самолетов, и те, кто служил в каких-то немецких формированиях еще во времена Второй мировой войны. Сидевшие по 70-й статье составляли примерно треть. Это были люди разных политических, религиозных, философских взглядов, что не мешало им находить общий язык и солидарно отстаивать свои права. Дружеские отношения, сложившиеся в лагерях, сохранились и на последующие годы.

Ныне всех подряд сажают в общеуголовные зоны, а там контингент совсем другой. Кстати, в наше время политических уголовники уважали. Я с ними пересекался на пересылках и в «столыпинских» вагонах и имел возможность в этом убедиться.

Чифиром меня угощали, говорили: «Ты, значит, против коммуны? Молодец. Мы за всякую дурь сидим, а ты за настоящее дело». Не знаю, сохранилось ли такое же отношение к политзэкам сегодня.

— Поколения людей, родившихся и выросших при советской власти, не видели никакой другой. И подавляющее большинство считало, что как-то по-другому уже и быть не может. А вы верили в то, что случатся перемены? Надеялись на что-то?

— Ну, я тогда думал, что к середине 90-х в СССР наступит экономический коллапс и начнется развал государства. Но немного не рассчитал... Я не сомневался, что впереди крах власти КГБ/КПСС и я до него доживу. Будущее было постоянной темой и в лагерных дискуссиях — доживем мы или не доживем до перемен. Никто не сомневался, что перемены произойдут

рано или поздно, спор шел только о сроках. Будущий нардеп священник Глеб Павлович Якунин, например, считал, что это произойдет при нашей жизни, а основатель Московской Хельсинской группы Юрий Федорович Орлов считал, что у коммунистического режима высокий уровень прочности и перемен мы можем не дожидаться. История встала на сторону оптимистов.

Ни Долинин, ни Евдокимов не отсидели свои сроки «до звонка». В 1987-м они, как и другие заключенные, отбывавшие сроки по 70-й статье, вышли на свободу, в 1992 году были реабилитированы: в октябре 1991-го закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» признал невиновными всех политических осужденных, в том числе по этой статье, а сама она была отменена.

Перемены наступили раньше, чем можно было ожидать.

Что случится сейчас, как сложится судьба новых политзэков, остается только гадать...

Вероника Азарова